

УДК 947.6 «1863/1864»

Карнович О. В.

УЧАСТИЕ КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА В КАРАТЕЛЬНЫХ АКЦИЯХ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГОДОВ

В последнее время делаются попытки как-то обелить либо возвеличить роль католического духовенства в восстании 1863–1864 годов, при этом полностью игнорируются либо замалчиваются те преступления, которые совершали представители этой конфессии по отношению к мирному населению.

В данной статье приводятся реальные факты издевательств, насилия и убийств мирного населения Северо-Западного края (куда входила, в том числе, и современная Беларусь), совершённых при прямом участии либо благословении католических повстанческих священников. При этом автор материала не ставил перед собой цель опорочить различные ветви христианской церкви. Однако случаи неприглядных действий некоторых представителей католического духовенства, лично принимавших участие в восстании 1863–1864 годов, имели место быть в реальности. И замалчивание либо отрицание данных преступлений также недопустимо, как и героизация или обеление преступлений со стороны властей Российской империи.

Введение. Отечественная историческая наука за последние несколько лет сделала значительный вклад в раскрытие малоизвестных эпизодов восстания 1863–1864 годов. В частности, появились труды белорусских учёных В.Н. Черепицы, А.Д. Гронского, А.Ю. Бендина, а также священников Г. Щеглова, М. Носко и А. Хотеева, рассказывающие о насилии повстанцев по отношению к мирному населению. Не является исключением и автор данного материала, опубликовавший поименный список казнённых участников восстания 1863–1864 годов на территории современной Беларуси с указанием причины казни каждого из них¹. Однако исследований преступных действий по отношению к мирному населению со стороны католического духовенства из числа участников восстания по настоящее время практически нет. В данном материале рассказывается о многочисленных случаях насилия и убийств в отношении мирного населения и представителей законных властей со стороны католического духовенства в период восстания 1863–1864 годов.

Основная часть. Сан христианского священника всегда подразумевал гуманное, смиренное отношение к своим идеологическим либо религиозным противникам. И, разумеется, представитель церкви, неся в светский мир идеи справедливости, доброты и христианского милосердия, не должен брать в руки оружие. Следует отметить, что преобладающее влияние по своему авторитету и финансовому положению до начала восстания на территории белорусских губерний занимала католическая церковь, оставив далеко позади православную ветвь христианства. Очевидец тех событий, военный врач И.И. Любарский, оставил такие свидетельства о положении православия в Северо-Западном крае: «Повсюду богато украшенные величественной архитектуры костелы, и редко-редко попадались деревянные, ветхие церкви с подпорками и заплатами, похожие более на сараи, чем на храмы господствующей религии. Православное духовенство находилось в полном загоне, оно было принижено своей бедностью... Знакомясь с местными священниками и стараясь уяснить себе условия их быта, я замечал общую им всем характерную черту какой-то виновности в том, что они существуют в чужом крае».

Аналогично выглядела ситуация в уездных городах: «В Лиде, насчитывавшей в то время две с небольшим тысячи жителей, было три громадных каменных костела прекрасной архитектуры, высоко и гордо поднимавшей к небу свои затейливые шпицы. Один из них стоял пустой, за ненадобностью, так как прихожан на все костелы не хватало. Не много бы понадобилось переделок, чтобы обратить пустующий костел в православный храм; но тогда, при

¹ См. статью: Репрессии в отношении участников восстания 1863–1864 гг.: правда и вымыслы // Вестник Брестского государственного технического университета. – Серия гуманитарные науки. – 2011 – № 6 (76) – С. 33–37.

господстве польшизмы и католичества, некому было подумать об этом» [7, с. 816, 823]. На этом странности не заканчивались: в стране, где господствующей (по крайней мере, на бумаге) была объявлена православная церковь, именно православные священники находились в нищете, в сравнении с католическими. Так, католическое духовенство, находясь на казённом содержании, имело от 230 до 600 рублей серебром в год (в зависимости от классов); православные священники самой высшей иерархии могли рассчитывать лишь на сумму до 350 рублей серебром в год.

Поэтому, неудивительно, что, пользуясь своим господствующим положением, некоторые иерархи католической церкви вели усиленную пропаганду, вплоть до угроз православному населению, идей восстания. Как отмечает современный священник Алексей Хотеев, «в Воззвании польского клира к священникам восточного исповедания Белоруссии и Литвы 1861 г. ... делались предупреждения: «мщение поляков за святую веру ужасное», «если не пробудитесь, за свои преступления и за свои грехи получите справедливое наказание». В одной листовке, которую отобрали у повстанца в Пинском уезде летом 1863 г., был изображён повешенный на виселице православный священник со словами на польском языке: «Это ты, поп, будешь так висеть, если не исправишься» [13]. Такое положение вещей было неудивительно, если сам руководитель восстания в Северо-Западном крае Константин Калиновский, перевозимый некоторыми ныне как «национальный герой», фактически призывал, выражаясь современным языком, к разжиганию межнациональной и межрелигиозной розни, неоднократно называя православие «собачьей верой». А мощная религиозная католическая пропаганда усилиями фанатичных ксендзов создавала у населения образ дикой, враждебной России, противопоставляя ей невинную и чистую независимую Польшу. Таким образом, прямо навязывалась русофобия и религиозная нетерпимость. Как справедливо отмечает профессор Института теологии БГУ А.Ю. Бендин, «предусмотренная церковным вероучением обязанность «пасти верных» выполнялась отнюдь не в духе христианской любви, законопослушности и милосердия. Сакральные цели служения Богу оказались подчинёнными выполнению конкретных мирских задач – вооружённой борьбе за освобождение Польши и аннексии Северо-Западного края России. Это произошло в результате идеологической интерпретации церковного вероучения, которая позволила использовать духовную власть римско-католического клира для достижения националистических и сепаратистских целей» [2, с. 364–365].

Учитывая вышеизложенное, дальнейшие события восстания выявили в рядах церкви людей, которые по своей морали были далеки от классического образа священника, несмотря на имевшийся у них официальный статус служителя культа.

Одним из таких представителей христианского духовенства был известный командир повстанческого отряда в Ковенской губернии Антоний Мацкевич (1828–1863). Сын местного дворянина Антоний Мацкевич был довольно образованным человеком для своего времени: выпускник Киевского университета Святого Владимира, закончил затем Ворненскую католическую духовную семинарию, а с 1856 года служил ксёндзом в мест. Подберезье Поневежского уезда Ковенской губернии. После начала восстания, в первой декаде марта 1863 года Мацкевич приказал ксёндзам окрестных деревень и сёл зачитать в своих приходах Манифест о начале восстания и Декреты подпольного правительства в Варшаве, а сам, начиная с 8 марта, развернул активную деятельность по созданию повстанческого отряда в своем местечке. Активную помощь ему оказал владелец этого имения помещик Шиллинг, занимавший должность повстанческого уездного комиссара [15, с. 14]. В апреле этого же года, собрав отряд из 250 человек, Мацкевич ушел с ним в лес. Примечательно, что первоначально содержание отряда он оплачивал из собственных средств. Как позднее пафосно показывал он на допросах, «имея приготовленный к мятежу народ, я поднял хоругвь восстания и, после молебна, отправился с 250 повстанцами в лес. Стремлением моим было возратить моему литовскому народу права человечества, уничтоженные шляхтой и оставленной без внимания администрацией. Заботой моей было проповедовать восстание в Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях, сначала партизанское, а потом принудить правительство к уступке

края Польше, как часть ее владений» [10, с. 4]. Следует отметить, что «заботу о народе» ксёндз проявлял весьма своеобразно: проповедуя братскую любовь, одновременно казнил людей без сожаления. Своих жертв, приговоренных им же к смерти, он лично исповедовал и причащал. Вскоре после подавления восстания писатель и предводитель дворянства Брестского уезда Алексей Стороженко отмечал, что «открыто много убийств, совершённых Мацкевичем и его шайкою; в числе жертв были отставные солдаты, жители деревень и даже женщины» [10, с. 6]. Особую ненависть служитель культа питал к старообрядцам, которые оказывали активную помощь законным властям в борьбе с повстанцами. Карателями из его отряда только в одну ночь в окрестности Ибяны, близ Ковно, было повешено 11 человек. В поминальнике Виленского Пречистенского собора в числе жертв его отряда было записано более 300 крестьян, ремесленников, священников, вся вина которых состояла только в том, что они отказались поддержать восстание [5, с. 39]. В своём рапорте начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Лихачёв отмечал, Мацкевич имел большое влияние на местных крестьян «как ксёндз и жмудин по происхождению, кроме того крестьяне запуганы донельзя неистовствами мятежников» [1, с. 380; 2, с. 370].

Проповедуя одновременно бескорыстие, Мацкевич обложил данью помещиков Ковенской губернии, собирая, таким образом, солидные средства на нужды восстания и поддержку своего отряда. Значительная часть этих средств оседала в кармане Мацкевича. Проиграв в вооруженной борьбе, он стал готовиться к побегу за границу, заблаговременно позаботившись о своем безбедном существовании в эмиграции. В момент ареста при нём было обнаружено 6510 рублей, из которых только 300 – его собственные средства [10, с. 155]. Мацкевич не ушёл от заслуженного наказания. По совокупности преступлений он был повешен в Ковно 16 декабря 1863 года.

Его коллега по духовному ведомству, ксёндз Шавельского уезда Ковенской губернии Антоний Гаргас, будучи капелланом другого повстанческого отряда, действовавшего в Тельшевском уезде, также не отличался большим гуманизмом. Сухие строки казённого протокола доносят из глубины веков информацию о не меньших зверствах: «Находившийся в шайке кс. Гаргас, выведя на площадь при содействии своих товарищей пятисотского отставного унтер-офицера Сковгирда и мельника Берента с сыном, беспощадно наказал их плетьюми, сотского же Даниловича, связанного, гнали через местечко, нанося ударами по всему телу и когда несчастный старик, весь облитый кровью, свалился с ног, то ксёндз ударом сабли рассёк ему голову и шею; затем мятежники, уложив полумертвого Даниловича в повозку, отправили его за местечко и там, на дороге повесили за ноги. Затем мятежники эти, в числе которых кс. Гаргас отличался своим неистовством, после многих других зверских походов отправились в консисторию, где взяли 2000 руб. из сумм, отписанных разными духовными завещаниями на богоугодные предметы» [3, с. 226]. В итоге Гаргас также не ушёл от заслуженного наказания. По приговору военного трибунала за совокупность совершённых им преступлений Антоний Гаргас был расстрелян в Тельшах 7 октября 1863 года.

Не менее жестоко действовал в Лидском уезде Виленской губернии отряд ксёндза Юзефа Горбачевского. Так, 17 февраля 1863 года повстанцы вошли в имение помещика Турского и убили управляющего за отказ выдать кассу помещика. В общей сложности на совести Горбачевского, по меньшей мере, 3 убийства крестьян, совершенных с изуверской жестокостью: перед тем как повесить, их пытали и выкололи глаза [4, л. 173; 12, с. 243].

В убийстве 23 мая 1863 года в мест. Сураж Белостокского уезда Гродненской губернии православного священника Константина Прокоповича принимали участие ксёндзы Моравский, Феликс Кринский и Александр Косаковский. По свидетельству очевидцев, повстанцы вытащили священника во двор, «рвали волосы на голове и из бороды, нанесли более 100 ударов ружьями и кольями, толкали во все стороны, бросали на землю и топтали его ногами, потом один изверг выстрелом ранил еще его и в бок». После этого полуживого Прокоповича повесили на дереве возле собственного дома. Как вспоминал позднее его сын Лев, главным вдохновителем убийства был местный ксёндз Моравский [12, с. 228]. Ксёндз Щавинского

монастыря Варшавской губернии Стефан Скупинский лично допрашивал местную крестьянку, мужа которой он намеревался забрать в повстанческий отряд. Своим отпиранием она вывела Скупинского из себя, и он приказал своему подручному Стрижковскому убить женщину. Стрижковский ударил её пикой в бок, а затем сам Скупинский выстрелом из револьвера добил. После этого «божий человек» лично поджег дом крестьянки и сарай, где предположительно скрывался её муж. Через два дня ксёндз Скупинский вновь появился в той местности, где и был растерзан местными крестьянами [12, с. 233–234]. Другой церковный служитель – органист одного из католических монастырей Ян Петрал был арестован за участие в восстании и просил помилование у властей. А когда «раскаялся», возвратился в деревню близ своего монастыря и в тот же день застрелил местную крестьянку Екатерину Любец. После чего вернулся обратно к повстанцам. В Царстве Польском монах Станислав Корецкий лично принимал участие в повешении трёх крестьян деревни Велюнь, в том числе женщину [12, с. 240]. Ксёндз из мызы Жунево Бельского уезда Гродненской губернии Поплавский в повстанческом отряде Баранцевича был одним из жандармов-вешателей и под угрозой оружия заставлял крестьян села Журобицы идти в отряд [9, с. 236–238].

Бывший повстанец отряда семинариста Флориана Стасюкевича, действовавшего на границе Брестского уезда Гродненской губернии и Царства Польского, Юлиан Ягмин оставил после себя интересные воспоминания, где описывал подробности своей кочевой жизни с отрядом. В частности, в отряде Стасюкевича находился некий ксёндз Малопольский: «Вооружённый револьвером, он служил службу, исповедовал и причащал желающих и, если случилось, чего не было при мне, казнить кого-нибудь, то ксёндз давал своё последнее благословение» [14, т. 50, с. 79]. Официально ксёндз Малопольский занимал должность казначея отряда и распоряжался огромными суммами без всякого контроля. При этом, деньги, попавшие в его ведение, редко употреблялись на нужды отряда. «Помимо разного рода «офяр», – пишет Ягмин, – к ксёндзу поступали еще часто подати, собранные русским правительством. Через городскую революционную администрацию Стасюкевич узнавал, что податный сбор сложен в том или другом месте. Кавалерия под начальством Нарбута ночью приезжала в указанный город к бургомистру или другому какому-либо начальнику, у кого были эти деньги, и тот добровольно отдавал находившиеся у него суммы в распоряжении шайки, или, точнее говоря, в кошелек ксёндза Малопольского. Иногда сумма достигала 1000 рублей. В нашем шайковом казначействе накопилось таким образом до восьми тысяч рублей, но мне кажется, что должно было бы быть много больше, так как ксёндз и Стасюкевич никому не давали отчёта в расходовании денег» [14, т. 50, с. 79].

Затем, будучи уже под арестом, подобные Малопольскому «слуги Божьи» также продолжали жить на широкую ногу. Юлиан Ягмин дает меткую характеристику поведению отдельных служителей культа в Гродненском тюремном замке: «Каждого из них навещали любовницы, с которыми они прятались от глаз товарищей. Они не входили с ними в приёмную залу, но отыскивали темную комнату под лестницей и там долго оставались тет-а-тет. Многие из них до того забывались, что отпраивались в ссылку со своими содержанками, не обращая никакого внимания на общественное мнение, а, напротив, смеялись на ним. В высшей степени скупые и эгоистичные, они и здесь не переставали собирать простой народ и проповедовать, чтобы он не щадил никого и ничего для отчизны, что спасая отечество, он служит церкви и потому получит блаженство в следующей жизни» [14, т. 52, с. 727–728].

Тот же Ягмин в своих мемуарах приводит описание некоторых казней мирных жителей, совершенных повстанцами при прямом участии ксёндзов. По словам автора воспоминаний, известие о повешении одного крестьянина из деревни Киевец Бельского уезда Гродненской губернии «заставил меня многое передумать и усомниться в «swientosci» sprawy польской». Вся вина этого крестьянина заключалась только в том, что он оставался верным правительству. Стасюкевич, «взяв с собой Карчевского, Мелевского, ксёндза и др., неожиданно напал на солдата и застал свою жертву в то время, когда она старалась спрятаться в выкопанную в полу яму. Голова его была ещё наверху. Его вытащили оттуда за голову, вытолкали из хаты,

перед которой росла сухая верба и на ней повесили свою жертву; они хотели повестить также его жену и детей, но крестьяне увели их и спрятали у себя. Стасюкевич гордился и хвастался своим подвигом». Некий помещик Белецкий в отряде ходил «обвешанный петлями, совсем готовыми, чтобы набросить на избранную жертву. Тогда он прикреплял её к чему-нибудь, тянул вверх, так что жертва невольно подымалась с веревкой, а другие дергали за ноги...» [14, т. 51, с. 420]. Как правило, подобные палачи успешно сочетали внутреннее смирение с садистскими наклонностями. Как пишет тот же Ягмин, «каждый жандарм-вешатель был глубоко религиозен, что, однако не мешало ему беспощадно вешать и резать себе подобных людей». Некий дворянин Пружанского уезда, 16-летний недоросль Польховский, от подобных издевательств испытывал садистское удовольствие, сам оставаясь верующим человеком. «При всем этом, Польховский, однако, не забывал никогда – ни утром, ни вечером, читать шесть раз «Отче наш», семь «Богородице», два или три «Верую» и несколько молитв за отчизну», – писал о нем Юлиан Ягмин, не скрывая своего отвращения к садисту. Так, Польховский повесил беременную женщину, а её 4-летнего сына приковал гвоздями к дереву. В общей сложности этот «борец за свободу» зверски убил 30 крестьян.

Недалеко от него ушел ещё один «борец», некий Коронин, на счету которого 29 убитых крестьян, среди которых 4 женщины [14, т. 52, с. 718–719; 5, с. 151].

Лицемерие и ложь подобных служителей культа, «стоявшими во главе демонстраций, мятежа и шаяк с крестом в одной руке и револьвером в другой», заставили серьезно задуматься бывшего повстанца о роли некоторых представителей духовного сана в тех далеких событиях.

После разгрома русскими войсками отряда Казимира Нарбута (адъютанта упоминавшегося выше Стасюкевича), сам командир и ряд его приближённых спрятались на время в духовной семинарии, «надев на себя ксендзовские рясы и выкрасив волосы в чёрный цвет» [14, т. 51, с. 422]. Следует отметить, что именно отряд отставного штабс-ротмистра русской армии Казимира Нарбута оставил о себе дурную славу карателей и убийц в Брестском и Кобринском уезде. Открытые столкновения с регулярными войсками он не выдерживал, зато хорошо воевал против мирного беззащитного населения. Нарбут безжалостно наказывал крестьян плетьюми, а их дома сжигал. Так, 28 мая 1863 года сельский сборщик податей из дер. Великорита был зверски избит нагайками и повешен возле волостного правления. Старшина правления Евдоким Хомичук получил 400 ударов плетьюми, крестьяне Иван Светюк и Иван Хапалюк – по 300 ударов. При этом хлеставшую из ран кровь каратели присыпали пеплом, чтобы не мешала им издеваться дальше. В дер. Новоселки Кобринского уезда были повешены волостной старшина Полетило, дьяк Александрович и лесной стражник Кузьмицкий [8, с. 56; 5, с. 151]. Излишне говорить после этого о том, что крестьяне, в большинстве своём, отвернулись от повстанцев.

Все эти зверства совершались при прямом участии, либо попустительстве католических священников, которые в период восстания находились практически в каждом повстанческом отряде, принимая присягу на «верность польскому правительству» и благословляя на все дальнейшие действия. Такие, с позволения сказать, «служители Господа» допустили ситуации, при которых некоторые «борцы за свободу» мучали, пытали и вешали мужчин, женщин и подростков, засекали своих жертв плетьюми до смерти, топили в болоте, зарывали живыми в землю, жгли местечки и деревни, грабили крестьян, пытаясь своей беспримерной жестокостью заставить жителей перейти на сторону подпольного польского «правительства» [2, с. 369].

Ещё в период самого начала восстания на территории Царства Польского в одной из европейских газет была опубликована небольшая заметка о роли духовенства, перепечатанная «Виленским вестником» 12 февраля 1863 года: «И кто же предводительствовал этими преступными шайками? Кто после организации стал в их главе? Кто собирал деньги на приобретение оружия? Кто зажигал деревни и силой заставлял всех, достигших полного возраста, но не желавших принимать участие в восстании? Кто? Пусть христианская Европа узнает об этом: духовенство. Кто провозглашал восстание? Кто провозглашал восстание? Кто вписывал заговорщиков и принимал от них деньги? Кто угрожал смертью или пожаром спокойным

и безоружным земледельцам? Кто совершал богослужения в лесах и заранее давал разрешение на убийство русских? Пусть Европа и христианский мир и это узнают: духовенство, служители Господа, мира и любви» [2, с. 371].

Объективности ради, нужно отметить, что жестоким отношением к мирному населению грешили не только некоторые католические священнослужители. Известен случай с православным священником Лопатинской церкви Пинского уезда Николаем Морозом, который, угрожая оружием, вербовал в повстанческие отряды местную шляхту православного вероисповедания. В ответ на возражения, он хвастливо заявлял: «Вам нечего бояться, я и себя и вас смогу защитить». Не смог. Николай Мороз был лишен духовного сана и отправлен на 10-летнюю каторгу [16].

А теперь к вопросу о вынесении смертной казни представителям церкви. Какое государство потерпит у себя священников, неважно какой конфессии, замешанных в подобных преступлениях? Даже представители «просвещённого Запада», на который при каждом удобном случае любят ссылаться отечественные либералы, были в ужасе от подобных случаев. Один из немногих объективных откликов был опубликован в 1863 году в британской газете «Morning-Herald» журналистом, лично посетившем Вильно и являвшимся очевидцем тех событий. Вот что писал он по поводу приговоров, выносимых законными властями: «Никакого приговора к смертной казни или ссылке на каторжную работу не последовало без предварительной сентенции законным образом учреждённых военно-судных комиссий и произнесения над виновными состоявшегося приговора. Поступки, противные призванию служителей алтаря, лишают их покровительства законов. С церковных кафедр, с которых возвещаются слова мира и любви, ксёндзы проповедовали мятеж. Именем Бога всемогущего вооружалась рука верующего, преклонявшегося перед Его святыней, на совершение злодейств ради дела, которому давалось название религии. Ксёндзы на самих алтарях принимали присяги, возлагавшие на христиан обязанность совершать самые гнусные политические преступления. Подобные люди мученики или предатели? Должны ли мы оплакивать их участь или же они подверглись заслуженному наказанию?» [2, с. 380].

Заключение. Приведённые выше факты – лишь только малая часть огромного айсберга выявленных издевательств и унижений мирного населения, совершённых при прямом участии либо благословении католических повстанческих священников. Автор данной статьи не ставит перед собой цель как-то очернить римско-католическую (или какую другую) церковь. Преступления совершали и совершают представители любой конфессии. Однако, случаи неприглядных действий некоторых представителей католического духовенства, лично принимавших участие в восстании 1863–1864 годов, имели место быть в реальности. И замалчивание этих фактов, отрицание данных преступлений, также недопустимо, как и героизация или обеление преступлений со стороны властей Российской империи.

Можно долго сокрушаться о жестокостях властей, обречших на казнь ряд католических священников, за такую, казалось бы, сущую мелочь, как призывы к восстанию. Однако, если разобраться внимательно, эти лица нарушили присягу на верность императору, призывая на участие в вооружённом мятеже против правительства. Сан священника не даёт право игнорировать светскую власть и нарушать действующее законодательство. С точки зрения властей эти лица были государственными преступниками, подняв руку на основы государства, а в ряде случаев совершали ещё и уголовные преступления. Наконец, монопольное право на насилие принадлежит исключительно государству. На этом держится любая власть в любой стране мира.

События восстания 1863–1864 годов включают не только боевые действия правительственных войск и повстанческих отрядов, но и насыщены драматическими и трагическими моментами. Да и не может быть героев в гражданской войне, которая произошла на территории современной Беларуси в этот период. И задача исследователей заключается в объективной оценке действий повстанцев и правительственных войск.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 гг. в пределах Северо-Западного края в 2-х частях / Под общ. редакцией А.И. Миловидова. – Вильно : Губернская типография, 1915. – Ч. 2.
2. Бендин, А.Ю. Роль римско-католического духовенства Северо-Западного края Российской империи в польском восстании 1863 г. // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 357–387.
3. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: материалы и документы. – М. : Наука, 1965. – 586 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 109. – Оп. 38. – Д. 23. О беспорядках в Царстве Польском и западных губерниях: – Ч. 1. Общие сведения по Царству Польскому и Западным губерниям.
5. Геращенко, А.Е. Очерки по истории Полоцка и Белой Руси. – Минск : Ковчег, 2013. – 192 с.
6. Корнилов, И.П. Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае. – СПб, 1900. – 55 с.
7. Любарский, И.И. В мятежном крае (из воспоминаний) // Исторический вестник. – 1895. – № 3. – С. 813–838.
8. Носко, М. Репрессии повстанцев 1863–1864 гг. в Гродненской губернии // Заходнебеларускі рэгіён ў паўстанні 1863–1864 гг.: зборнік дакладаў Навукова-практычнай канферэнцыі, 12-13 красавіка 2013 г. – Брэст: БрДТУ, 2013. – С. 51–57.
9. Повстанческое движение в Гродненской губернии 1863–1864 гг. / под ред. Д.В. Карева. – Брест : Академия, 2006. – 404 с.
10. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг.: материалы и документы. – М. : Наука, 1964. – 704 с.
11. Стороженко, А.П. Ксёндз Мацкевич – предводитель шайки мятежников / А.А. Стороженко. – Вильно : Типография губернского правления, 1866. – 24 с.
12. Польское восстание 1863 года : испытание веры / А. Хотеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2018/03/03/polskoe-vostranie-1863-ispytanie-very-45708.html?print>. – Дата доступа : 14.10.2018.
13. Щеглов, Г.Э. Жертвы польского восстания 1863–1864 годов // Русский сборник: исследования по истории России.– М. : Модест Колеров, 2013. – Т. XV. – С. 224–247.
14. Ягмин, Ю. Воспоминания повстанца // Исторический вестник. – 1892. – Т. 49. – С. 561–585; Т. 50. – С. 74–98; Т. 51. – С. 413–431; Т. 52. – С. 715–732.
15. Laniec, S. Ksiadz Antoni Mackiewicz w latach manifestacji, konspiracji i powstania (1861–1863). – Olsztyn : Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, 2001. – 48 s.
16. Pozniak, Jan. Prawoslawny kler w powstaniu styczniowym // Kurier Wilenskie. – 1933. – 28 marca. – № 81. – S. 4.

Karpovich O. V. Participation of Catholic clergy in punitive actions against civilians during the uprising of 1863-1864

Recently, attempts have been made to somehow whitewash or glorify the role of the Catholic clergy in the uprising of 1863-1864, while completely ignoring or suppressing the crimes committed by representatives of this denomination against the civilian population.

This article presents the real facts of mockery, violence and murder of civilians in the North-Western region (which included, among other things, modern Belarus), committed with the direct participation or blessing of Catholic rebel priests. At the same time, the author of the material did not aim to discredit the various branches of the Christian Church. However, cases of unsightly actions of some representatives of the Catholic clergy, who personally took part in the uprising of 1863-1864, took place in reality. And the silencing or denial of these crimes is also unacceptable, as is the glorification or whitewashing of crimes by the authorities of the Russian Empire.